

АЕТНОЛОГИА • ЭТНОЛОГИЯ

Н. В. Багаш

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ У ПОТОМКОВ НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЕЙ В Г. ГУДАУТЕ

(По данным социологического исследования 2017–2018 гг.)

Аннотация. В статье анализируются этноязыковые характеристики этнически смешанного населения города Гудаута на основе данных социологического исследования, проведенного в 2017–2018 годах. Опросом охвачено 562 респондента, или 6,4 % населения города. Экстраполируя данные настоящего исследования на население Гудауты в целом, можно заключить, что более $\frac{1}{4}$ горожан представлено потомством от межэтнических браков – либо в первом, либо во втором поколении.

Ключевые слова: Гудаута, межэтнические браки, население Абхазии, этническая демография Абхазии, языковая ситуация в Абхазии.

Одной из характерных черт интернационализации жизни в СССР была межнациональная (межэтническая) брачность. Однако у исследователей до сих пор нет возможности изучить эти процессы во всей их полноте, поскольку данные, на которые можно было бы сослаться, крайне скучны и фрагментарны. Сама советская система «этнизации» общества, разделенного на априори заданные, исторически предопределенные и четко регламентированные этнические группы, принадлежность к которым определялась соответствующей фиксацией «национальности» в документах и практически не могла быть изменена, не предполагала возможности фиксации множественной этнической идентичности.

Р. Брубейкер писал, что ни одно государство не заложило так далеко в деле институционального упорядочения этнических категорий, как СССР (Brubaker 1996: 29).

В связи с возросшим количеством этнически смешанных браков в 60–70-е годы XX века, советские этнографы начинают изучение смешанных семей и предпочтений в выборе этничности одного из родителей, в том числе и на Кавказе (Столярова 1989: 160). Основой для данных исследований служат материалы отделов ЗАГС и паспортных столов. Кульминацией

изучения данной проблематики в советской этнографии служит монография А.А. Сусоколова (Сусоколов 1987).

В Абхазии, которая на протяжении более чем 150 лет является страной полигэтнической, в течение последних 60–70 лет достаточно активно росли показатели межнациональной брачности, что предопределяло появление в подобных семьях этнически смешанного потомства.

Среди задач нашего социологического исследования был сбор и последующий анализ информации об этническом составе населения Гудауты, включая данные об этнически смешанном населении и особенностях этнической идентификации детей от смешанных браков. Исследование проводилось в течение года – с апреля 2017 по апрель 2018 года. В основу исследования лег опрос, который проводился с помощью массового анкетирования жителей Гудауты.

Данные об этническом происхождении собирались на основе пяти вопросов, сформулированных с использованием понятной для жителей Абхазии категории «национальность», принятой в советской этнографии для обозначения этнической принадлежности и институционально закрепленной в этом качестве как в советских официальных документах, так и в современных абхазских. Помимо вопроса об этничности самого респондента, собиралась информация об этнической принадлежности каждого из четырех его прародителей – дедов и бабушек по отцовской и материнской линиям.

Анкеты распространялись в организациях, на предприятиях, во всех пяти школах города¹, а также на улицах Гудауты. В ходе полевой части исследования было собрано порядка 650 анкет, однако в процессе обработки материала часть анкет была отбракована (в том числе неверно заполненные и содержащие заведомо ложные сведения). В итоге в работу вошли 562 анкеты.

В Гудауте, по данным на 1 января 2018 года, проживали 8 814 человек (Абхазия в цифрах 2018: 27), следовательно, анкетированием 2017–2018 годов было охвачено около 6,4 % гудаутцев, или практически каждый пятнадцатый горожанин.

Одной из важнейших задач исследования было изучение качественных и количественных характеристик этнически смешанного населения Гудауты.

В ходе социологического исследования, проведенного в Гудауте, выяснилось, что у 148 (26,3 %) из 562 респондентов, заполнивших анкету, прародители принадлежат к разным национальностям, а у 414 (73,7 %) ре-

¹ Среди учеников и преподавателей абхазской средней школы № 1 им. Н.А. Лакоба, абхазской средней школы № 2 им. В.К. Аргун, двухсекторной средней школы № 3, русской средней школы № 4 им. О.Ч. Гвазава и абхазской средней школы № 5 им. Д.К. Кобахия.

спондентов – прародители являются представителями одной национальности (рис. 1).

Рисунок 1. Национальность прародителей респондентов

Таким образом, более четверти респондентов являются потомством от смешанных браков либо в первом, либо во втором поколении. Несмотря на периферийность и большую этническую гомогенность Гудауты по сравнению со столицей Абхазии, несмотря на то, что Гудаута является административным центром этнически абхазского района и одновременно главным урбанизационным центром бзыпских абхазов, процент респондентов, родившихся в этнически смешанных семьях, здесь оказался не ниже выявленного в ходе аналогичного исследования, проведенного в Сухуме в 2015 году. Очевидно, что этническое смешение в административном центре Гудаутского района в последние 40–50 лет происходило интенсивно.

Процент представителей смешанных семей у респондентов, принадлежащих к разным этносам, в выборке неодинаков. Если у респондентов, определивших себя как абхазы, этот показатель лишь ненамного ниже среднего по выборке (23,0 %), то у всех респондентов, самоопределившихся как армяне, прародители принадлежат к одной национальности. Респонденты-армяне демонстрируют очень высокие показатели этнической эндогамии, что, по всей видимости, следует считать характерным явлением для всей армянской общины Абхазии. С другой стороны, аналогичные показатели у респондентов-украинцев могут объясняться их крайне незначительной представленностью в выборке. Резко возрастает доля лиц с прародителями, принадлежащими к разным национальностям, у русских и у грузин. Численность представителей других народов в выборке столь незначительна, что показатели вряд ли можно считать репрезентативными, однако очевидно, что у остальных меньшинств города процессы этнического смешения зашли еще дальше (таблица 1).

Таблица 1. Национальность прародителей у респондентов каждого этноса

	численность	прародители одной нац-ти	прародители разных национальностей
все респонденты	562	414 (73,7 %)	148 (26,3 %)
абхазы	509	392 (77,0 %)	117 (23,0 %)
руssкие	29	11 (37,9 %)	18 (62,1 %)
армяне	7	7 (100 %)	—
грузины	6	1 (16,7 %)	5 (83,3 %)
белорусы	3	1 (33,3 %)	2 (66,7 %)
турки	2	—	2 (100 %)
украинцы	2	2 (100 %)	—
чеченцы	2	—	2 (100 %)
греки	1	—	1 (100 %)
лазы	1	—	1 (100 %)

Нижеследующая диаграмма визуализирует данные, представленные в таблице № 1, по четырем крупнейшим этносам: абхазам, русским, армянам и грузинам. Респонденты, отметившие принадлежность к остальным этносам (белорусам, туркам, украинцам, чеченцам, грекам и лазам), из-за крайне ограниченной представленности их в выборке объединены в графу «прочие» (рисунок 2).

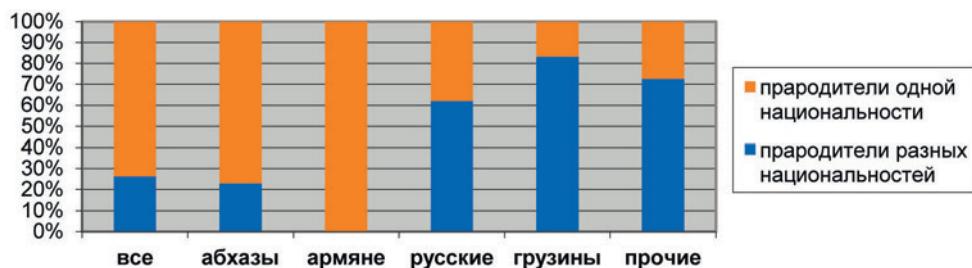

Рисунок 2. Национальность прародителей у респондентов, принадлежащих к крупнейшимэтносам

Из 148 респондентов-гудаутцев, чьи прародители принадлежат к разным национальностям, имеют лишь одного из четырех прародителей иной национальности – 80 (54,1 %) человек, двух прародителей иной национальности – 50 (33,8 %) человек, трех иноэтничных прародителей – 18 (12,2 %) человек (рис. 3). Как видно, более половины респондентов из смешанных

семей все же составляют люди, чье этническое происхождение на $\frac{3}{4}$ соответствует их собственной этнической идентичности.

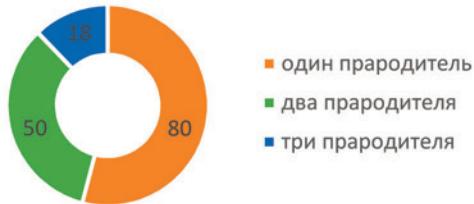

Рисунок 3. Респонденты из смешанных семей по количеству иноэтнических прародителей

В Абхазии, в условиях маскулинной культуры Кавказа, национальная принадлежность традиционно определялась почти исключительно по отцу, хотя реальное этнокультурное состояние человека могло не соответствовать документально зафиксированному. В процессе настоящего анкетирования в тех случаях, когда прародители принадлежат к разным национальностям, респондент, как правило, определял свою этническую принадлежность по национальности деда по отцовской линии, но далеко не всегда. Исключение, как и в ходе анкетирования сухумчан в 2015 году, преимущественно составили случаи, когда некоторые из прародителей были абхазами, а дед по отцовской линии – представителем другой национальности (8 человек). В трех случаях дед по отцовской линии являлся русским, еще в трех – представителем картвельских народов (в двух анкетах указано «грузин», в одной – «мингрел»), в остальных двух случаях: в одном дед по отцовской линии был абазином, в другом – персом. Последний пример примечателен своим абсолютным типологическим сходством с этническим происхождением Ф.А. Искандера – известнейшего из писателей-абхазов. Его дед по отцовской линии был персом, а остальные три прародителя – абхазами.

Данное обстоятельство объясняется влиянием доминирующего этнокультурного пространства. Выбор абхазской этничности в таком случае – закономерное явление, происходящее из реального этнокультурного состояния человека. Замечание В.А. Тишкова относительно российской ситуации вполне актуально и для Абхазии: «Этнические группы пополняются или уменьшаются за счет смены идентичности в ту или иную сторону, особенно в среде смешанных семей. И здесь *русскость* остается самой престижной этнокультурной идентичностью в России, и в число русских

перейдут многие потомки смешанных браков...» (Тишков 2001: 168). Е.И. Филиппова и Ф. Герен-Пас в этой связи отмечают: «...сами респонденты определяют себя по-разному в ходе последующих переписей, в зависимости от изменений их собственной ситуации, а также от социально-политической конъюнктуры, которая делает более или менее престижными, а то и материально выгодными, те или иные коллективные членства» (Филиппова, Герен-Пас 2015: 5).

Замечание депутата Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия Л.М. Чамагуа, высказанное им на встрече, посвященной обсуждению развития демографических процессов в Абхазии, проходившей 5 июня 2015 года в Центре стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия, относительно имеющих место институциональных ограничений при официальной смене «национальной принадлежности»², может быть верным лишь отчасти, поскольку обратных примеров достаточно много. Впервые такие примеры, зафиксированные в сельской местности Очамчырского района, были научно описаны в позднесоветский период В.Л. Бигвава (Бигвава 1983: 63).

В ходе анкетирования были выявлены и иные случаи несоответствия национальности респондента с национальностью его деда по отцовской линии. У пяти респондентов, определивших свою этническую принадлежность как русскую, деды по отцовской линии являлись представителями иной национальности. В одном случае дед был украинцем, в другом – евреем. Еще у одной русской женщины дед и бабушка по отцовской линии были грузинами, а по материнской – русскими. Практика выбора негрузинской национальности представителями смешанных семей, во многом вынужденная, получила довольно широкое распространение в послевоенной Абхазии. Перефразируя приведенную выше цитату В.А. Тишкова применительно к абхазским реалиям, можно сказать, что в то время как *абхазкость* является самой престижной этнокультурной идентичностью в современной Абхазии, самой непрестижной в обозримом будущем, очевидно, будет оставаться *грузинкость*. Наконец, в двух оставшихся случаях у респондентов, самоопределившихся как русские, дед и бабушка по отцовской линии были абхазами, а по материнской – русскими. Причина выбора национальности матери в данном случае представляется труднообъяснимой в силу нестандартности ситуации.

² Он отметил, что в Гудаутском районе проживает определенное количество лиц, являющихся на $\frac{3}{4}$ абхазами по этническому происхождению и абсолютными абхазами по самоидентификации и реальному этнокультурному состоянию, но продолжающих фигурировать в официальных документах как грузины.

Последним примером несоответствия национальности респондента с национальностью его деда по отцовской линии служит человек, самоопределившийся как турок, в то время как оба прародителя по отцовской линии были осетинами.

В следующей таблице представлены все 14 вышеописанных случаев с указанием места и даты рождения респондентов, а также этническая принадлежность каждого из четырех их прародителей (таблица 2).

Таблица 2. Респонденты, самоопределившиеся не по национальности деда по отцовской линии

респондент	место и год рожд.	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
абхазка	Гудаута, 1986	русский	русская	абхаз	абхазка
абхазка	Гудаута, 1983	русский	абхазка	абхаз	абхазка
абхаз	Гудаута, 2001	русский	абхазка	абхаз	абхазка
абхазка	Гудаута, 1995	грузин	абхазка	грек	украинка
абхазка	Гудаута, 2001	грузин	абхазка	абхаз	абхазка
абхаз	Гудаута, 1997	мингрел	абхазка	абхаз	абхазка
абхазка	Гудаута, 1940	абазин	абхазка	абхаз	абхазка
абхазка	Ачандара, 1972	перс	абхазка	абхаз	абхазка
русский	Россия, 1953	украинец	русская	русский	русская
русская	Гудаута, 1958	грузин	грузинка	русский	русская
русская	Россия, 2000	еврей	русская	русский	русская
русский	Гудаута, 1950	абхаз	абхазка	русский	русская
русская	Гудаута, 1977	абхаз	абхазка	русский	русская
турок	Гудаута, 1995	осетин	осетинка	турок	турчанка

Среди респондентов-абхазов, чьи прародители принадлежат к разным национальностям (117 человек), имеют лишь одного из четырех прародителей неабхазской национальности – 76 (65,0 %) человек, двух прародителей неабхазской национальности – 28 (23,9 %) человек, трех прародителей-неабхазов – 13 (11,1 %) человек (рисунок 4). Таким образом, почти 2/3 респондентов-абхазов из смешанных семей составляют люди, имеющие трех абхазских прародителей из четырех. Очевидно, что иноэтническое влияние на этнокультурное состояние этой самой многочисленной категории респондентов-абхазов смешанного происхождения сведено к минимуму.

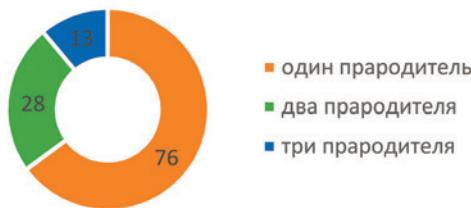

Рисунок 4. Респонденты-абхазы из смешанных семей по количеству иноэтнических прародителей

Респонденты-абхазы из смешанных семей имеют одного или нескольких прародителей неабхазской национальности, представляющих самые различные этносы. В то же время в номенклатуре представленных этнических единиц прослеживаются определенно очерченные тенденции, являющиеся следствием общего вектора этнодемографического развития Абхазии на протяжении последних полутора столетий. Во-первых, среди прародителей данной группы респондентов имеются преимущественно представители компактно проживавших в постмахаджирской Абхазии этносов. Во-вторых, среди остальных обнаруживаются почти исключительно представители коренных народов бывшего СССР. В-третьих, из народов Северного Кавказа в списке присутствуют лишь близкородственные абхазам представители иных абхазо-адыгских этносов, тогда как представители нахско-дагестанских и других северокавказских народов не обнаруживается вовсе. Данная закономерность была отмечена нами и в ходе исследования этнодемографических процессов в Сухуме, когда, обратившись к итогам Всероссийской переписи населения 2010 года, мы установили, что среди браков, заключенных между абхазами, проживающими в России, и представителями народов Северного Кавказа, абсолютно преобладают союзы с абазинами, адигами и осетинами при крайне незначительном числе браков с представителями нахско-дагестанских народов. Эти данные являются индикатором не только географической, но и существенной этнокультурной дистанции с Северо-Восточным Кавказом.

Поскольку каждый из 117 респондентов-абхазов, родившихся в смешанных семьях, имеет четырех прародителей, то общее число прародителей у этой категории участников анкетирования составляет 468 человек, из которых 297 (63,5 %) представлено этническими абхазами, 10 (2,1 %) – представителями иных абхазо-адыгских народов, 69 (14,7 %) – представителями восточнославянских народов, 55 (11,8 %) – представителями картвельских народов, 12 (2,6 %) – армянами, 7 (1,5 %) – немцами, 5 (1,1 %) – турками, 4 (0,9 %) – татарами и 9 (1,9 %) – представителями прочих этносов. Если

рассматривать этническую структуру каждой из четырех групп прародителей, то между ними выявляются существенные различия. Так, среди дедов по отцовской линии закономерно отмечается абсолютное преобладание абхазов – 93,2 %, тогда как среди бабушек по материнской линии доля абхазок оказывается наименьшей – 41,0 %. Среди последних существенную долю составляют восточнославянские (22,2 %) и картвельские (19,7 %) женщины, а также армянки (5,1 %) и татарки (3,4 %). Среди прародителей респондентов-абхазов были отмечены представители 20 различных народов (табл. 3).

Таблица 3. Этнический состав прародителей респондентов-абхазов из смешанных семей

	всего пра- родителей	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
все	468 (100 %)	117 (100 %)	117 (100 %)	117 (100 %)	117 (100 %)
абхазы	297 (63,5 %)	109 (93,2 %)	74 (63,2 %)	66 (56,4 %)	48 (41,0 %)
абазины	5 (1,1 %)	1 (0,9 %)	1 (0,9 %)	1 (0,9 %)	2 (1,7 %)
убыхи	2 (0,4 %)	–	–	2 (1,7 %)	–
черкесы	3 (0,6 %)	–	1 (0,9 %)	1 (0,9 %)	1 (0,9 %)
русские	49 (10,5 %)	3 (2,6 %)	16 (13,7 %)	15 (12,8 %)	15 (12,8 %)
украинцы	18 (3,8 %)	–	3 (2,6 %)	4 (3,4 %)	11 (9,4 %)
белорусы	2 (0,4 %)	–	2 (1,7 %)	–	–
грузины	46 (9,8 %)	2 (1,7 %)	13 (11,1 %)	13 (11,1 %)	18 (15,4 %)
мингрелы	8 (1,7 %)	1 (0,9 %)	1 (0,9 %)	2 (1,7 %)	4 (3,4 %)
сваны	1 (0,2 %)	–	–	–	1 (0,9 %)
армяне	12 (2,6 %)	–	2 (1,7 %)	4 (3,4 %)	6 (5,1 %)
греки	2 (0,4 %)	–	1 (0,9 %)	1 (0,9 %)	–
немцы	7 (1,5 %)	–	2 (1,7 %)	2 (1,7 %)	3 (2,6 %)
турки	5 (1,1 %)	–	1 (0,9 %)	3 (2,6 %)	1 (0,9 %)
персы	1 (0,2 %)	1 (0,9 %)	–	–	–
евреи	2 (0,4 %)	–	–	1 (0,9 %)	1 (0,9 %)
татары	4 (0,9 %)	–	–	–	4 (3,4 %)
поляки	2 (0,4 %)	–	–	1 (0,9 %)	1 (0,9 %)
чехи	1 (0,2 %)	–	–	1 (0,9 %)	–
румыны	1 (0,2 %)	–	–	–	1 (0,9 %)

Общее количество прародителей неабхазской национальности у респондентов-абхазов из смешанных семей составляет 171 человек, или 36,5 % от общей численности их прародителей. Как видно из предыдущей таблицы,

абсолютное большинство составляют прародители восточнославянских и картвельских национальностей, при этом первые численно превосходят вторых. Так, прародители, принадлежащие к восточнославянским этносам, составляют 40,4 % от всех прародителей неабхазской национальности (в том числе русские – 28,7 %, украинцы – 10,5 %, белорусы – 1,2 %), а прародители-картвельцы – 32,2 % (в том числе грузины – 26,9 %, мингрелы – 4,7 %, сваны – 0,6 %).

Анкетирование, проведенное в 2015 году в Сухуме, показало диаметрально противоположные результаты: у респондентов-абхазов из смешанных семей отмечалось преобладание картвельских предков над восточнославянскими, что определяется численным преобладанием абжуйцев внутри этнически абхазской части населения столицы. Таким образом, результаты настоящего анкетирования указывают, что для абжуйских абхазов до начала Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. наиболее характерными были смешанные браки с мингрелами, тогда как для бзыпцев – с представителями восточнославянских народов. Аналогичные результаты были получены П.К. Квициния, исследовавшим этногеографические особенности вектора брачных предпочтений абжуйских и бзыпских абхазов на рубеже 70–80-х годов XX века (Кэытцния 2000: 58–62). Подобная ситуация является прямым следствием региональных особенностей этнодемографической ситуации в Советской Абхазии: среди некоренного населения Западной Абхазии преобладали славяне, в то время как в Восточной Абхазии абсолютное большинство составляли картвельцы. Представляет интерес и тот факт, что среди восточнославянских прародителей респондентов-абхазов довольно значительный процент составляют украинцы.

Бабушкой по материнской линии одной школьницы-абхазки, родившейся в 2002 году в Гудауте, является сванка. Возможно, эта сванская женщина родилась в Отхаре в семье переселенцев из Сванетии, осевших здесь в начале 50-х годов XX века в ходе планового переселения западногрузинских крестьян в Абхазию. Выйдя в советское время замуж за абхаза и переселившись в районный центр, она осталась жить в Абхазии. По всей вероятности, сванских, равно как и мингрельских, прародителей у респондентов-абхазов из смешанных семей могло оказаться больше, чем показывают результаты анкетирования, поскольку в ряде случаев респонденты, очевидно, указывали «официальную» национальность своих мингрельских и сванских предков, отмечая в соответствующей графе «грузин/ка».

Прародители армянской национальности составляют 7,0 % от всех иноэтнических прародителей респондентов-абхазов из смешанных семей. Мы вслед за В.Л. Бигуаа (Бигвава 1983: 63) и В.А. Чирикба (Чирикба 2014: 242)

были склонны полагать, что смешанные абхазо-армянские браки в советское время были редким явлением. Данная позиция, как нам теперь представляется, имеет основания быть несколько скорректированной, поскольку и результаты исследования этнодемографической ситуации в Сухуме в 2015 году, и данные настоящего исследования, и материалы переписи населения РФ 2010 года свидетельствуют, что смешанные браки абхазов с армянами, заключенные в том числе и в советское время, занимают уверенную третью позицию после браков с восточными славянами и картвелами. Причиной этого является масштабное этническое присутствие армян на территории Абхазии на протяжении последних ста сорока лет. А из-за этнодемографических изменений, вызванных войной 1992–1993 годов, и фактического прекращения практики заключения браков между абхазами и мингрелами доля абхазо-армянских брачных союзов в послевоенный период продолжает возрастать. Прапородители абазинской, убыхской и черкесской национальности вкупе составляют 5,8 % от всех иноэтнических прапородителей респондентов-абхазов из смешанных семей (рисунок 5).

Рисунок 5. Иноэтнические прапородители респондентов-абхазов из смешанных семей

У двух жительниц Гудауты 1979 и 1983 годов рождения в графе «дед по материнской линии» указано «убых», при этом остальные их прапородители были абхазской национальности. Убыхскую национальность в ходе исследования этнодемографической ситуации в столице Абхазии в 2015 году указала также одна сухумская школьница. Здесь мы сталкиваемся с фиксируемой в последние десятилетия тенденцией некоторого возрождения убыхского самосознания среди этнических абхазов, чьи фамилии указывают на убыхское происхождение их предков. Наибольшее количество носителей фамилий убыхского происхождения отмечается именно в Бзыпской Абхазии (Инал-ипа 2002: 251–253). Не вызывает сомнений факт, что дед по материнской линии наших респондентов (по

всей видимости, они являются родными сестрами), имел абхазское этническое самосознание и фигурировал в официальных документах как абхаз. Подобная ревитализация убыхского самосознания (в том числе и «самосознания» прародителей) является прежде всего продуктом «книжного» конструирования идентичности. Здесь не последнюю роль сыграли роман Б.В. Шинкуба «Последний из ушедших» и возросший интерес к событиям времен Кавказской войны на Западном Кавказе с учетом той роли, которую играл убыхский народ в сопротивлении российской экспансии в регионе³.

Распределение респондентов-абхазов из смешанных семей (117 человек) по месту рождения не сильно отличается от средних показателей по выборке. Уроженцев города Гудауты среди данной категории опрошенных отмечено 57 (48,7 %) человек, уроженцев сел Гудаутского района – 37 (31,6 %), уроженцев Сухума – 6 (5,1 %), Гагрского района – 6 (5,1 %), Абжуйской Абхазии – 3 (2,6 %), Российской Федерации – 5 (4,3 %), Украины – 2 (1,7 %), Грузии – 1 (0,9 %) человек (рисунок 6).

У респондентов-абхазов из смешанных семей закономерно повышена доля уроженцев таких полигэтнических регионов Абхазии, как Сухум и Гагрский район. Однако соотношение уроженцев Гудауты и выходцев из сельской местности Гудаутского района, как ни странно, у данной группы респондентов почти такое же, как и по выборке в целом. Таким образом, экстраполируя результаты анкетирования на население Гудаутского района в целом, можно говорить, что этнически смешанные браки в сельской местности Бзыпской Абхазии давно уже стали привычным явлением и охватили все села региона, включая самые отдаленные. О росте числа смешанных браков в приморской зоне Абхазии в позднесоветский период писал В.Л. Бигуаа: «Такое явление (смешанные браки. – Н.Б.) наиболее характерно для приморской зоны, где помимо коренных жителей проживают переселенцы из других республик страны» (Бигвава 1983: 61). Очевидно однако, что уже тогда смешанные браки абхазов с представителями иных этносов вышли за пределы приморской зоны.

Представляет интерес рассмотрение характеристик респондентов-абхазов, имеющих трех прародителей неабхазской национальности. Общее количество относящихся к данной категории респондентов – 13. Среди них пять мужчин и восемь женщин. Самый старший респондент родился в 1945 году, самый младший – в 2002 году. Состав этой части респондентов

³ И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова приводят пример жителя села Лдзаа Гагрского района, изменившего свою национальность в официальных документах на убыхскую (Кузнецова, Кузнецова 2016: 291).

по месту рождения выглядит следующим образом: семь человек родились в Гудауте, два – в селе Лыхны, один – в Сухуме, два – в России и один – на Украине. В следующей таблице представлены 13 респондентов данной категории с указанием места и даты рождения, а также этническая принадлежность каждого из четырех их прародителей (таблица 4).

Рисунок 6. Респонденты-абхазы из смешанных семей по месту рождения

Таблица 4. Респонденты-абхазы, имеющие трех прародителей – неабхазов

место и год рождения	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
РФ, 1945	абхаз	украинка	украинец	полька
Гудаута, 1958	абхаз	русская	мингрел	армянка
Гудаута, 1969	абхаз	грузинка	русский	русская
Гудаута, 1971	абхаз	грузинка	грузин	грузинка
Украина, 1989	абхаз	белоруска	русский	украинка
Гудаута, 1991	абхаз	русская	русский	украинка
Гудаута, 1994	абхаз	русская	русский	украинка
Гудаута, 1995	грузин	абхазка	грек	украинка
Лыхны, 1995	абхаз	белоруска	русский	украинка
РФ, 1996	абхаз	русская	русский	русская
Лыхны, 1998	абхаз	немка	немец	немка
Гудаута, 2001	абхаз	русская	армянин	армянка
Сухум, 2002	абхаз	грузинка	поляк	русская

Среди респондентов, самоопределившихся как этнические русские, прародители которых принадлежат к разным национальностям (18 человек), имеют лишь одного из четырех прародителей нерусской национальности – четыре

(22,2 %) человека, двух прародителей нерусской национальности – 12 (66,7 %) человек, трех нерусских прародителей – два (11,1 %) человека. Таким образом, подавляющее большинство респондентов-русских из смешанных семей составляют люди, имеющие двух или трех нерусских прародителей из четырех. Помимо этого, у двух респондентов-белорусов половина прародителей являются белорусами, половина – русскими. В следующей таблице представлены характеристики 20 респондентов, представляющих восточнославянские народы и имеющих иноэтнических прародителей (таблица 5).

Таблица 5. Респонденты-восточные славяне, имеющие иноэтнических прародителей

респондент	место и год рожд.	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
русская	РФ, 1947	русский	черкешенка	украинец	украинка
русская	РФ, 1948	русский	русская	абхаз	абхазка
русский	Гудаута, 1950	абхаз	абхазка	русский	русская
русская	Казахстан, 1952	русский	русская	украинец	украинка
русский	РФ, 1953	украинец	русская	русский	русская
русская	Гудаута, 1955	русский	русская	украинец	украинка
русская	Гудаута, 1956	русский	русская	абхаз	молдаванка
русская	Гудаута, 1958	грузин	грузинка	русский	русская
русская	Узбекистан, 1960	русский	русская	русский	украинка
русская	РФ, 1972	русский	русская	лезгин	абхазка
русская	Гудаута, 1977	абхаз	абхазка	русский	русская
русская	Гудаута, 1977	русский	абхазка	белорус	украинка
русская	Гудаута, 1990	русский	гречанка	русский	русская
русская	РФ, 2000	еврей	русская	русский	русская
русская	Гудаута, 2000	русский	русская	армянин	армянка
русская	Гудаута, 2001	русский	белоруска	грузин	русская
русский	Лыхны, 2001	русский	русская	армянин	армянка
русский	Гудаута, 2001	русский	русская	абхаз	абхазка
белоруска	Гудаута, 1975	белорус	белоруска	русский	русская
белорус	Белоруссия, 0 0	белорус	белоруска	русский	русская

Как видно, более половины русских респондентов, имеющих иноэтнических прародителей, родились в Гудауте, а один – в селе Лыхны. Остальные

родились преимущественно на территории России, а также в Казахстане и Узбекистане. Среди уроженцев Гудауты преобладают представители среднего и молодого возраста, тогда как среди уроженцев России и других государств больше пожилых людей. Русские респонденты из смешанных семей (18 человек) имеют в общей сложности 72 прародителя, этнический состав которых следующий: русские – 38 (52,8 %) человек, абхазы – 11 (15,3 %), украинцы – девять (12,5 %), армяне – четыре (5,6 %), грузины – три (4,2 %), белорусы – два (2,8 %), греки – один (1,4 %), евреи – один (1,4 %), лезгины – один (1,4 %), молдаване – один (1,4 %) и черкесы – один (1,4 %). Таким образом, иноэтничные прародители (34 человека) составляют чуть менее половины от всех прародителей русских респондентов из смешанных семей. Среди них первую позицию закономерно занимают прародители-абхазы, поскольку значительная часть русских респондентов родилась в Гудаутском районе и других регионах Абхазии. Весомая доля прародителей, принадлежащих к близкородственным украинскому и белорусскому этносам, объясняется общими закономерностями брачных предпочтений русского населения: украинские и белорусские брачные партнеры в целом традиционно занимали первое место среди иноэтничных супругов русских на протяжении всей истории существования СССР. Присутствие армян и грузин среди прародителей русских респондентов из смешанных семей объясняется тем, что эти группы представляли одни из крупнейших этнических общин советской Абхазии (рисунок 7).

Рисунок 7. Иноэтничные прародители русских респондентов из смешанных семей

Среди респондентов-грузин, чьи прародители принадлежат к разным национальностям (пять человек), не нашлось таких, у кого бы имелся лишь один иноэтничный прародитель из четырех. Двух негрузинских прародителей имеют четверо (80,0 %), трех – 1 (20,0 %) человек. Последний ре-

спондент может быть отнесен к данной категории с определенной долей условности, потому что все три его иноэтничных прародителя являются представителями мингрельского этноса. Другой человек в аналогичной ситуации мог бы указать грузинскую национальность всех четырех своих прародителей.

Кроме того, в анкетировании приняла участие женщина, указавшая лазскую национальность. Она родилась в 1955 году в Гудауте. С учетом того, что из четырех ее прародителей лазом был только дед по отцовской линии, тогда как остальные три прародителя являлись абхазами, факт сохранения лазской этнической идентичности представляется довольно неординарным. Ассимиляция лазов доминантной этнокультурной средой зашла в Абхазии очень далеко. Неудивительно, что эта женщина указала на полное невладение лазским языком при знании абхазского. Нижеследующая таблица демонстрирует характеристики шести респондентов, представляющих картвельские народы и имеющих иноэтничных прародителей (табл. 6).

Таблица 6. Респонденты-картвелы, имеющие иноэтничных прародителей

респондент	место и год рожд.	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
грузинка	Грузия, 1958	грузин	грузинка	армянин	армянка
грузинка	Гудаута, 1962	грузин	грузинка	абхаз	абхазка
грузинка	Сухум, 1978	грузин	мингрелка	мингрел	мингрелка
грузинка	Гудаута, 2001	грузин	грузинка	абхаз	абхазка
грузин	Гудаута, 2004	грузин	грузинка	армянин	армянка
лазка	Гудаута, 1955	лаз	абхазка	абхаз	абхазка

Троє респондентів-грузин зі смешаних сімей родилися в Гудауті, тоді як двоє інших – в Сухумі та в Грузії. Останні перебралися в Гудауту в радянський період, а в якості причини переїзду вказали сімейні обставини. По всій видимості, непосредственою причиною переселення в Гудауту цих жінок стала брачна міграція. Вийдя заміж за місцевих абхазів, вони не покинули країну після початку Війни народів Абхазії. В списку респондентів-грузин зі смешаних сімей присутні молоді люди, які народилися в Гудауті в початку цього століття. Як видно, їх батьками є етнічні грузини, а матірями – абхазка та армянка. Як ми уже могли спостерігати, в схожій ситуації багато жителі

современной Абхазии предпочитают выбирать негрузинскую национальность. Здесь же мы сталкиваемся с обратным примером. Респонденты-грузины из смешанных семей (пять человек) имеют 20 прародителей. Этнический состав последних следующий: грузины – девять (45,0 %) человек, абхазы – четыре (20,0 %), армяне – четыре (20,0 %), мингрелы – три (15,0 %) человека (рисунок 8).

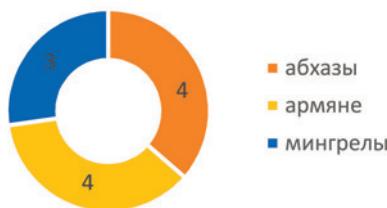

Рисунок 8. Иноэтничные прародители респондентов-грузин из смешанных семей

Список респондентов, представляющих остальные этнические меньшинства и имеющих иноэтнических прародителей, короткий. К таковым относятся два турка, два чеченца и один грек. Один из чеченцев имеет трех иноэтнических прародителей, тогда как каждый из четырех остальных респондентов имеет двух прародителей иной национальности. Характеристики всех пяти респондентов приведены в следующей таблице (таблица 7).

Таблица 7. Респонденты-турки, чеченцы и греки, имеющие иноэтнических прародителей

респондент	место и год рожд.	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
гречанка	РФ, 1966	грек	гречанка	русский	русская
турок	Гудаута, 1995	осетин	осетинка	турок	турчанка
турок	Гудаута, 2002	турок	турчанка	абхаз	абхазка
чеченка	РФ, 1996	чеченец	чеченка	русский	украинка
чеченка	Гудаута, 2000	чеченец	абхазка	абазин	абхазка

Единственный в выборке респондент-грек, как видно по таблице, не является типичным представителем ныне немногочисленной греческой общины Абхазии. Женщина родилась в 1966 году на территории России

и имеет русскую мать. Сложно сказать, является ли данный респондент потомком грека, родившегося в Абхазии и вынужденного покинуть республику в процессе депортации 1949 года, или же не имеет отношения к депортированным и позже частично возвратившимся абхазским грекам. Однако в анкете женщина указала, что переехала в Гудауту в 1967 году (практически сразу после рождения) по семейным обстоятельствам.

Один из респондентов-турок имеет отца осетинской национальности. Выбор этничности матери, по всей вероятности, связан с семейными обстоятельствами, например, с потерей связи с родственниками по патрилинии. Другой респондент, определивший свою этническую принадлежность как турецкую, имеет мать абхазской национальности. В данном случае представляется вероятным, что при сохранении формальной турецкой идентичности, реальное этнокультурное состояние человека является отличным от зафиксированного. Это подтверждается тем, что респондент отметил абсолютное невладение турецким языком при владении абхазским.

Оба респондента чеченской национальности являются представителями молодых возрастных когорт. Обе девушки отметили полное невладение чеченским языком, при этом родившаяся в Гудауте и имеющая двух прародителей-абхазов и одного – абазина, указала владение абхазским языком. По всей вероятности, принадлежность этой девушки к чеченскому этносу также является в достаточной степени формально-декларативной, поскольку ее фактическое этнокультурное состояние ближе к абхазскому.

Обратимся к представителям этнических меньшинств, имеющим среди своих прародителей этнических абхазов. Общее количество респондентов из смешанных семей, не отнесших себя к абхазскому этносу – 31 человек. Эта часть выборки имеет в общей сложности 124 прародителя, из которых 22 (17,7 %) являются этническими абхазами. Поскольку анкетирование проводилось в городе Гудауте – административном центре этнически абхазского района, наличие достаточно существенной доли абхазов среди прародителей неабхазской части выборки не вызывает удивления. Увеличение числа абхазских прародителей этой части выборки от деда по отцовской линии к бабушке по материнской линии также вполне закономерно. При этом сам перечень этносов, представители которых имеют абхазских прародителей, достаточно ограничен. Среди таковых отмечены лишь русские, грузины, лазы, турки и чеченцы (таблица 8).

Таблица 8. Распределение прародителей-абхазов у этнически неабхазской части респондентов

национальность респондента	прародители абхазской национальности				
	всего	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
все	2	2	5	7	8
русские	11	2	3	3	3
грузины	4	—	—	2	2
лазы	3	—	1	1	1
турки	2	—	—	1	1
чеченцы	2	—	1	—	1

Одним из вопросов анкеты, призванных установить реальную языковую ситуацию в Гудауте, был вопрос «Каким языком вы владеете лучше всего?». Существенные языковые различия были отмечены между абхазами из смешанных семей и респондентами, не имеющими неабхазских прародителей. Языковой состав абхазов с четырьмя прародителями абхазской национальности (392 человека) следующий. В качестве языка наилучшего владения выбрали только абхазский 211 (53,8 %) человек, абхазский и русский языки одновременно – 57 (14,5 %) человек, только русский – 124 (31,6 %) человека. Таким образом, у данной категории количества указавших только абхазский язык превышает 50 %, а совокупная доля указавших как один абхазский, так и абхазский в комбинации с русским языком составила 68,4 % (рисунок 9).

Рисунок 9. Распределение респондентов-абхазов с четырьмя прародителями абхазской национальности по языкам наилучшего владения

Языковой состав респондентов-абхазов, имеющих прародителей неабхазской национальности (117 человек), выглядит так: только абхазский как язык наилучшего владения указали 31 (26,5 %) человек, абхазский и рус-

ский одновременно – 11 (9,4 %), только русский язык – 74 (63,2 %) и армянский язык – 1 (0,9 %). Языковая русификация у данной группы респондентов закономерно выражена гораздо более отчетливо, чем у этнических абхазов, не имеющих иноэтнических прародителей (рисунок 10).

Рисунок 10. Распределение респондентов-абхазов, имеющих иноэтнических прародителей, по языкам наилучшего владения

При этом четко очерченные различия, обусловленные количеством неабхазских прародителей, обнаруживаются и внутри последней рассмотренной группы. Так, респонденты-абхазы, имеющие только одного иноэтнического прародителя (76 человек), распределяются по языкам наилучшего владения следующим образом: 24 (31,6 %) человека отметили только абхазский, 8 (10,5 %) – абхазский и русский одновременно, 44 (57,9 %) – только русский язык. У респондентов-абхазов с двумя иноэтническими прародителями (28 человек) распределение по данному критерию следующее: 6 (21,4 %) человек указали только абхазский язык, 3 (10,7 %) – абхазский и русский одновременно и 19 (67,9 %) – только русский язык. Наконец, для этнически абхазской части выборки, представители которой имеют трех неабхазских прародителей (13 человек), характерны наиболее существенные показатели языкового обрусения: абхазский в качестве языка наилучшего владения отметил лишь один (7,7 %) человек, тогда как русский – 11 (84,6 %) человек. Ещё один (7,7 %) респондент, представляющий данную часть выборки, указал в качестве языка наилучшего владения армянский. Эта старшеклассница, единственным этнически абхазским прародителем которой является дед по отцовской линии, родилась в Гудауте в 2001 году. Ее бабушка по отцовской линии – русская, а оба прародителя по материнской линии – армяне. Этот респондент представляет единственный зафиксированный нами случай, когда человек, определивший свою этническую принадлежность как абхазскую, указывает в качестве языка наилучшего владения не абхазский и не русский.

Следующая диаграмма визуализирует динамическую прогрессию различий, отмеченную у этнически абхазской части респондентов по показателю языков наилучшего владения в зависимости от количества их иноэтнических прародителей (рисунок 11).

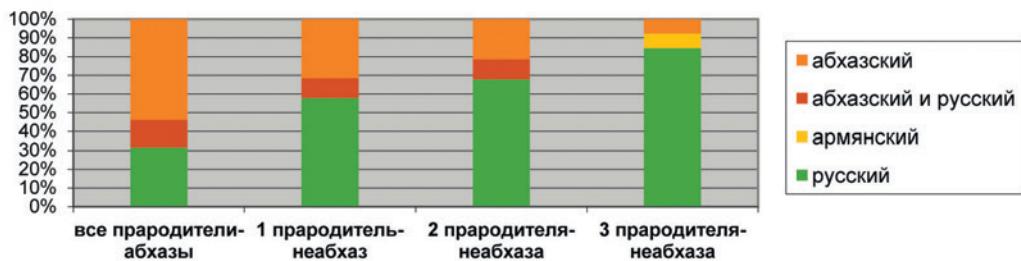

Рисунок 11. Распределение респондентов-абхазов по языкам наилучшего владения в зависимости от количества иноэтнических прародителей

Вторым вопросом анкеты, призванным выявить языковую ситуацию среди опрошенных, был вопрос о степени владения абхазским языком, который включал следующие возможные варианты ответа: «говорю свободно», «говорю с затруднениями», «только понимаю», «не говорю и не понимаю».

Языковые компетенции этнических абхазов, не имеющих иноэтнических прародителей, в целом довольно существенно отличаются от аналогичных показателей у респондентов-абхазов из смешанных семей. Причем различия в показателях внутри последней группы находятся в прямой зависимости от количества неабхазских прародителей.

Респонденты-абхазы с четырьмя праородителями абхазской национальности (392 человека) распределяются по уровню владения абхазским языком следующим образом: 319 (81,4 %) человек отметили свободное владение абхазским языком; 56 (14,3 %) человек указали, что говорят по-абхазски с затруднениями; 15 (3,8 %) – только понимают абхазский язык и 2 (5,1 %) – не говорят и не понимают абхазской речи (рисунок 12).

Состав респондентов-абхазов, имеющих прародителей неабхазской национальности (117 человек), по степени владения абхазским языком, конечно же, выглядит совершенно иначе: только 59 (50,4 %) человек отметили свободное владение абхазским языком; ещё 35 (29,9 %) человек указали, что говорят по-абхазски с затруднениями; 16 (13,7 %) человек отметили, что только понимают абхазскую речь и семь (6,0 %) человек ответили, что не говорят и не понимают абхазского языка (рисунок 13).

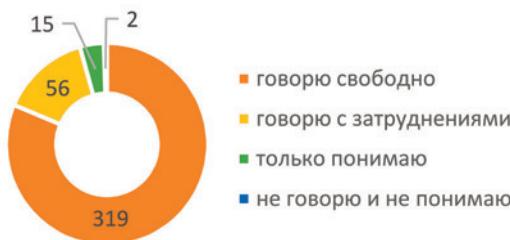

Рисунок 12. Степень владения абхазским языком у респондентов-абхазов с четырьмя прародителями абхазской национальности

Рисунок 13. Степень владения абхазским языком у респондентов-абхазов, имеющих иноэтнических прародителей

Респонденты-абхазы, имеющие только одного иноэтнического прародителя (76 человек), распределяются по уровню владения абхазским языком следующим образом: 46 (60,5 %) человек отметили, что говорят по-абхазски свободно, 24 (31,6 %) – с затруднениями, пятеро (6,6 %) только понимают абхазскую речь, один (1,3 %) не говорит и не понимает абхазского языка. Респонденты-абхазы с двумя иноэтническими прародителями (28 человек) распределены так: 11 (39,3 %) человек владеют абхазским свободно, восемь (28,6 %) – с затруднениями, шесть (21,4 %) – только понимают язык и трое (10,7 %) не говорят и не понимают. Этнические абхазы, имеющие трех неабхазских прародителей (13 человек) демонстрируют наименьший уровень владения абхазским языком: два (15,4 %) человека отметили свободное владение и три (23,1%) человека указали, что говорят по-абхазски с затруднениями. Среди последних была и девушка, указавшая на наилучшее владение армянским языком. Ещё пятеро (38,5 %) респондентов-абхазов, имеющие трех иноэтнических прародителей, отметили, что только понимают абхазскую речь. Остальные три (23,1 %) респондента данной категории указали, что не говорят и не понимают абхазского языка. Охарактеризованные выше различия представлены на следующей диаграмме (рисунок 14).

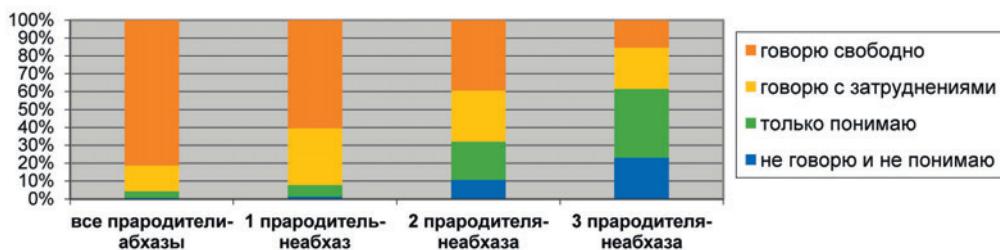

Рисунок 14. Распределение респондентов-абхазов по уровню владения абхазским языком в зависимости от количества иноэтнических прародителей

Литература

Кэйнса 2000: Кэйтниа П.К. Апсуаа рантропология азцаарақәа. Ақәа: Алашара, 2000. 106 д.

Абхазия в цифрах 2018: Абхазия в цифрах за 2017 год. Сухум: Управление государственной статистики Республики Абхазия, 2018. 158 с.

Бигвава 1983: Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 111 с.

Инал-ипа 2002: Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. Майкоп: ГУ-РИПП «Адыгея», 2002. 384 с.

Кузнецов, Кузнецова 2016: Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Акадак: ежегодное моление лидзавцев // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Вып. 4. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. С. 19–335.

Столярова 1989: Столярова Г.Р. Рец. на: Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР // Советская этнография. М., 1989. № 4. С. 160–162.

Сусоколов 1987: Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987. 143 с.

Тишков 2001: Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.

Филиппова, Герен-Пас 2015: Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. Расовые и этнические категории в переписях 2010-х годов // Этнографическое обозрение. М., 2015. № 1. С. 5–25.

Чирикба 2014: Чирикба В.А. Армяне в Абхазии: роль диалектов и русского языка на фоне демографической динамики // Диаспоры. М., 2014. № 1. С. 234–261.

Brubaker 1996: Brubaker R. Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 216 p.

Н. В. Багапш

**ГЭДОУТА ИНХО МИЛАТЛА ЕИЛАЦСОУ АТAAЦЭАРАКЭА
РХЫЛТЦШТРАКЭА РӨҮ АЕТНИКАТЭ ЕИЦШЫЗААРЕИ
АБЫЗШЭАТЭ КОМПЕТЕНЦИЕИ**

(2017–2018 шықескәа рзы имфаңгаз асоциалогиатә тцаамтә)

Аннотация. Ари астамиағы иазаатгылоуп 2017–2018 шықескәа рзы имфаңгаз ақалақь Гэдоута инхо милатла еилаңсоу ауаңсыра рмилат-бызшәатә қазиңақәа анализ рзуура. Атңаарақәа ирылахәын 562-шык ауаа, даңакала иүхэозар ақалақь ауаңсыра ркынит 6,4%. Ари атңаамтә алңашақәа Гэдоута ақалақь ауаңсыра рзенүү хыңхызара иадкыланы иугозар, иаҳхәар ҳалишоит, ақалақь Гэдоута иаланхо $\frac{1}{4}$ ауаа милатла еилаңсоу атңаацэарақәа ирхылүйт ҳәа, ма актәи, ма афбатыи абиңарағ.

Ихадароу ажәакәа: Гэдоута, милатла еилаңсоу атңаацэарақәа, Аңсны ауаңсыра, Аңсны аетникатә демографиа, Аңсны абызшәатә таңылазаа.

N. V. Bagapsh

**ETHNIC IDENTITY AND LANGUAGE COMPETENCE IN THE DESCENDANTS OF NATIONAL-MIXED FAMILIES IN GUDAUTA
(According to a sociological study of 2017–2018.)**

Annotation. The article analyzes the ethno-linguistic characteristics of the ethnically mixed population of the town of Gudauta based on data from a sociological survey conducted in 2017–2018. The survey covered 562 respondents, or 6.4% of the town's population. Extrapolating the data of the present study to the population of Gudauta as a whole, one can conclude that progeny represent more than $\frac{1}{4}$ of the citizens from inter-ethnic marriages, either in the first or second generation.

Key words: Gudauta, inter-ethnic marriages, population of Abkhazia, ethnic demography of Abkhazia, language situation in Abkhazia.